

Обсуждая идеологию программы «500 дней», автор говорит о нынешних российских проблемах — соотношении либерализма и дирижизма, монополизации и диком олигархическом капитализме. Он считает, что надо вернуться к провозглашенным в этой программе принципам.

Ключевые слова: альтернатива, западный опыт, либерализм, дирижизм, коррупция, слияние бизнеса и власти, периферийный капитализм, гражданское общество

«В России создана система периферийного капитализма»

Г. А. ЯВЛИНСКИЙ,
доктор экономических наук,
Москва

– Аудитории журнала очень интересно сравнение нынешней ситуации с той, которая была в момент подготовки программы «500 дней» – не просто потому, что 20 лет прошло. Появилось ощущение, что в воздухе витают те же самые настроения. И вновь нужны какие-то адекватные реакции, но какие – мы не знаем...

– Наверное, это ощущение какого-то тупика. Нынешняя система работает очень неэффективно и совершенно не соответствует реалиям XXI века. Очень многие люди это видят и серьезно обеспокоены, чувствуют нестабильность, не могут разглядеть перспективу. Общее настроение – так, как есть, долго оставаться не может. В этом сходство. Однако сейчас ещё сложнее искать решения. Много формально перепробовали. Огромное разочарование. А проблемы усугубляются – права собственности не соблюдаются, законы не исполняются или исполняются избирательно, общих правил, одинаковых для всех, нет. Основные институты существуют во многом формально: парламент, выборы, суд, права собственности...

Как и тогда, я думаю, не надо увлекаться рисунками будущего. Важнее показать переход к нему. И не обязательно

© ЭКО 2010 г.

быстрый – а именно такой, какой нужен: эволюционный, по шагам, по возможности, предсказуемый. Чтобы сделать преобразования глубокими и необратимыми.

Вот и программа «500 дней» не означала быстрого перехода к рынку. Никто не предполагал и не обещал, что через полтора года мы будем жить, как в Швейцарии. Акцент был на слове «переход» – в ней определялось, что нужно делать. Мы продумывали шаг за шагом основное направление и альтернативы, которые будут появляться по ходу реформ. Почему горизонт программы – полтора года? Потому что дальше профессионально ничего не просматривалось. Поначалу программа была рассчитана даже на 400 дней, т. е. примерно на год, на тот период, когда было примерно ясно, что нужно делать. А дальше возникала бы новая реальность, и потом вновь нужен был бы план действий на год–полтора.

Эта программа определяла в первую очередь не скорость перехода, а его логику. Многие процессы были взаимосвязаны, и нельзя было одно сделать сейчас, а другое – через пять лет. Вот, например, малая приватизация должна была проводиться одновременно с либерализацией цен. Потому что было понятно: результатом либерализации цен в условиях тотальной государственной собственности станет гиперинфляция. Так и случилось.

Любая программа должна содержать логически взаимосвязанный по времени и по шагам набор мер. Программа не столько что-то обещает, сколько показывает, как надо двигаться.

– Существовала ли альтернатива предложенному курсу? Было ли ясное представление, что получится в итоге преобразований?

– Альтернатив было несколько. Одна из них – альтернатива Рыжкова – Павлова: оставаться в рамках прежней системы. То есть в пределах плановой экономики балансировать спрос и предложение за счет административного повышения централизованно установленных цен на потребительские товары. Другая – радикальная альтернатива, которая была потом, в 1992 – 1993 гг., реализована группой Гайдара – Чубайса. Смысл этой альтернативы был в том, чтобы ликвидировать денежный навес

за счет одномоментной отмены контроля за ценами на всех государственных предприятиях розничной торговли, т. е. путем сильной инфляции и уничтожения таким образом практически всех сбережений.

Было ясное понимание, что получится в результате развития событий по Рыжкову – Павлову: всё остается без изменений, и распад экономики продолжается. Нам было также понятно, что при освобождении цен в один день в условиях сверхмонополизированной государственной экономики начнется гиперинфляция. А что будет в том случае, если проводить последовательные системные преобразования? Представление об этом было, но вариативное. Мы исходили из того, что баланс спроса и предложения возникнет не путем уничтожения сбережений, а за счет малой и средней приватизации и соответствующей либерализации цен. В тот момент экономика была «смешанная». В том смысле, что с одной стороны она была умирающая, а с другой – зарождалась новая, но теневая. Было непонятно, как начнет выходить экономика из тени, и потому, конечно, сложно было представить, насколько быстро реально возникнет массовый легальный частный сектор, с какой скоростью начнет формироваться настоящий средний класс. Как быстро будет оживать производство? Это невозможно было предвидеть. Но было понятно, что движение в правильном направлении будет.

– То есть фактически создатели программы не до конца имели представление, с какой экономикой, каким объектом имели дело?

– Если говорить о программе «500 дней», то, без сомнения, у нас ясность была. Мы объект знали хорошо – помогал опыт работы в правительстве. Мы следили и за процессами в теневом секторе. Но представление о деталях, о том, как эти элементы перемешаются и заработают, начнут взаимодействовать, было, конечно, обобщенным. Именно потому, что заранее трудно было представить, как в деталях это все будет развиваться, мы готовили минимально необходимую социальную программу, специальные меры по защите населения.

Кроме того, ключевым моментом была денежная приватизация. Я исходил из того, что в советский период у людей были

накоплены определенные денежные средства, и для того чтобы сбалансировать ситуацию («пустые магазины и много денег»), предлагалось для начала использовать в качестве предложения то, что тогда называлось «средства производства», т. е. начать распродавать мелкие и средние производственные активы: дать возможность покупать участки земли, прачечные, химчистки, грузовики, магазины, организовывать перевозки... Если люди возьмутся за миллион дел, то и предложение в магазинах появится. А цены для частного сектора, конечно, свободные. Постепенно цены за счет конкуренции и массовости участников станут рыночными, а потом и равновесными.

Кроме того, предполагалось, что вслед за появлением малых и средних предпринимателей начнется акционирование крупных предприятий. Например, у «Норильского никеля» наряду с государством были бы миллионы акционеров.

Но в действительности наши предложения были отвергнуты, и все пошло совсем по другому сценарию.

– **Насколько был применим западный опыт?**

– Очень ограничено. Развитые страны могли рассматриваться только с точки зрения каких-то модельных ориентиров. Что касается самого перехода, то в этом их опыт ничем помочь не мог. Не было и подходящих примеров перехода. На Польшу, например, нельзя было равняться – там и в условиях коммунистического режима сохранились частное сельское хозяйство, частная собственность на землю. Подали сигнал: «Вы свободны, свободная торговля», – люди мгновенно откликнулись, и сразу появилось что-то вроде конкуренции. Цены взлетели, но потом буквально на глазах начали снижаться.

Одним из наиболее серьезных ученых, рецензировавших программу «500 дней», был профессор Янош Корнай, автор «Экономики дефицита». Выступая в Вашингтоне, он сказал, что это лучшая программа, которая была сделана в восточноевропейских странах. После этого, кстати говоря, ко мне подошел один из директоров МВФ и спросил: почему мы в программу не включили помощь МВФ? Я ответил, что нам пока не нужно – мы и сами справимся. Так показывали наши расчеты.

На Западе отношение к нашим реформам было крайне политизированным, а подлинное внимание и интерес

в большинстве случаев подменялись модой, «гламуrom». Суть наших преобразований там не очень понимали. Поэтому западный опыт был применим лишь как модель рыночной экономики. Но как конкретные образцы – в очень ограниченной степени. Мало того, мы так и не получили доступа к инструментальному западному опыту, например, о конкретных методах и способах монополизации, борьбы с коррупцией.

– Возможен ли был отказ от госрегулирования в конце 1980-х – начале 1990-х годов?

– Он уже фактически состоялся, и ничего невозможно было изменить. Все уходило в тень. Правительство брало большие зарубежные кредиты, закладывало золото, получало довольно большие деньги и на них покупало продовольствие, медикаменты. Что-либо централизованно регулировать было уже невозможно – все уходило из рук правительства, удерживать ему было нечем. Появились предприятия-спутники, кооперативы. Уже и план невозможно было сформировать, потому что данных от республик не поступало. План (1990 г.), который сверстал Ю. Д. Маслюков, был бессмысленным, поскольку никак не соотносился с реальностью. Все уходило...

– Каким видится соотношение либерализма и дирижизма в экономике в настоящий момент?

– Обсуждение дирижизма в условиях государства такого качества, как в России сегодня, не имеет большого смысла. Что обсуждать искусство вождения автомобилем, если руль не соединен с ходовой частью? В условиях, когда государство настолько коррумпировано, когда чиновничество представляет собой самостоятельный клан со своими отдельными от государства интересами и почти все чиновники выше среднего ранга являются бизнесменами, говорить о каких-то государственных функциях бессмысленно. Если будет качественное государство – тогда можно обсуждать, что человек должен делать сам и в чем должно участвовать государство. А дирижизм такого государства, как наше, – это грабеж, рэкет, отъем. Дирижер у нас не с палочкой, а с дубиной. Чиновник не столько дирижирует, сколько сам бьет в барабан...

А барабан такой, что остального оркестра не слышно. И попробуйте только пискнуть!

Либерализм предполагает неукоснительное выполнение законов, а не вседозволенность на основе взяток. Отобрать чужое предприятие – это что, либерализм или разбой?

Иначе говоря, в существующей институциональной среде невозможно всерьез рассуждать ни о дирижизме, ни о либерализме.

Кстати, мне нередко говорят: в Америке были же бароны-грабители, а потом они превратились в приличных людей. Но они грабили в Америке и инвестировали тоже в Америке. Наша проблема – в частности и в том, что грабят здесь, а инвестируют там.

– Как Вы оцениваете, была ли программа «500 дней» реалистичной и адекватной ситуации в экономике?

– Я думаю, была. Потому что ее делали хорошие специалисты на базе фактических данных, анализа реального положения. Мы примерно понимали, как все это устроено, знали в основном, какими ресурсами располагаем. Эта программа должна была корректироваться по ходу событий.

– Почему отказались от постепенных преобразований в пользу «шоковых»?

– Это было predeterminedено фигурой Ельцина, влиянием Запада и агрессивным невежеством и цинизмом исполнителей.

Большевики остаются большевиками, независимо от целей и эпох. Большевизм – это метод, политическая практика, которая подразумевает, что цель оправдывает средства, а люди не имеют значения. Так и провели реформы. Результат закономерен.

– В северной экономике есть корпорации коренных народов на Аляске. Народу даются земли и право регулировать скорость разработки недр. Они получили паи в созданных корпорациях, которыми не имели права пользоваться 25 лет. Все это время посещали собрания акционеров – то есть процесс обучения длился 25 лет...

– Эволюционность преобразований – важнейшее условие крупного, настоящего успеха. Но в советской традиции было

другое. В 1986 г. я был одним из авторов закона «О государственном предприятии», который потом стал законом «О предприятии». Возглавлял эту группу С. А. Ситарян. Я предлагал принять закон, а введение его в действие отложить на пять лет, для того чтобы подготовить людей, объяснить, что это такое, выработать нормативную базу, изменить множество законов. Ситарян ответил: не отвлекайте нас от работы, через месяц пленум – и на этом все разговоры закончились.

Сейчас эволюционность позитивных изменений может быть достигнута за счет реализации, например, программы «Дома. Дороги. Земля». Ее смысл в том, чтобы средства, накопленные за счет природных ресурсов за последние 10 лет, направить на создание жилищной инфраструктуры и давать людям землю под строительство. Этого с 1861 г. никто так и не сделал.

– **Пример Канады. Там доминирующему недоропользователю запрещено приобретать соседний участок, чтобы не скупили всю территорию. Россия сейчас оказалась в более зависимом положении от ведомств, чем в советские годы. Из-за того, что были забыты и не учитывались особенности вхождения в право собственности. Сейчас «Лукойл» – это Ненецкий АО, «Газпром» – Ямал, «Норильский никель» – половина Красноярского края. Раньше такого не было.**

В обществе и экономике существуют очень тонкие механизмы, а мы их отрицаем. Например, учитывался ли рост коррупции и появление олигархов? Было ли представление, к чему может привести такая приватизация?

– Да, уверенно могу сказать – мы предполагали, что в результате криминальной приватизации возникнет криминальное государство.

К появлению олигархов частично привела ваучерная приватизация – она была прелюдией. А потом прошли залоговые аукционы, после чего и появились олигархи.

Нашей группой во главе с Сергеем Иваненко в конце 1990 г. – начале 1991 г. был подготовлен закон, который вытекал из программы «500 дней»: «О порядке приобретения гражданами имущества у государства» (слово «приватизация» сознательно обходилось в силу обстоятельств того времени). В законе было прописано, каким образом любой гражданин

мог купить магазин, грузовик, химчистку и т. д., описан порядок торгов и пр. Когда мы начали работу над этим законом, обсудили варианты, то пришли к выводу, что если сейчас стихийно пойдет ваучерная приватизация, в итоге получится мафиозное государство латиноамериканского типа. Поэтому предложили другой путь, но опять же это не было принято.

Мы предвидели, что рост коррупции будет очень сильным, и предполагали, что произойдет слияние бизнеса и власти. Но масштабы превзошли наши ожидания. Ведь залоговые аукционы, организованные правительством, – это и есть фундамент институционализированной коррупции. Это не просто единичные факты получения взяток, это создание системы, при которой по-другому невозможно делать бизнес.

– Реальны ли радикальные преобразования без сформированных рыночных институтов и «подготовки умов»?

– Ситуация в экономике и обществе к концу 1980-х годов была доведена прежним руководством страны до предела, поэтому особого разбега на подготовку умов не было.

Институты же должны были формироваться по ходу реформ. При этом существовало два разных подхода. Мы считали, что нужно создавать базовую инфраструктуру институтов, а радикалы были уверены, что как только запустятся экономические процессы – вся надстройка появится сама. Этот «тезис», в который верили «реформаторы», был из курса марксистско-ленинской философии: «Базис определяет надстройку». Вообще они были по сути марксисты-большевички. Когда им говорили, что следует избегать криминальных приемов в реформах, они отвечали: «Первоначальное накопление капитала всегда преступно». Вот вам и вся философия ваучерной приватизации, залоговых аукционов, да и реформы в целом.

Они считали, что когда будет создана частная собственность, появится потребность в институтах, поэтому автоматически как-то возникнут профсоюзы, суды... Нужны будут законы – появится парламент. Оказалось, это не так. Мафиозная система не торопится ничего создавать, обогащение достигается путем альянса с государством, и никаких институтов не нужно.

Именно в подготовке умов и в создании институтов и заключается реформа.

– Ельцин произнес на съезде программную речь о радикальной реформе, но гайдаровскую команду не стал назначать сразу в правительство...

– После путча Ельцин меня попросил, чтобы я вместе с И. С. Силаевым, Ю. М. Лужковым и А. И. Вольским занялся стабилизацией ситуации в Комитете по оперативному управлению народным хозяйством. Задача была – предотвратить тот самый «голод», который придумали как оправдание последующим действиям. На мой взгляд, на тот момент существенных угроз такого рода не было.

В октябре – ноябре 1991 г. у нас состоялся долгий разговор с Ельциным. Мы обсуждали и либерализацию цен, и экономический союз. Я настаивал на том, что схема проведения реформы на первый год должна быть другой, и выдвигал в качестве главного приоритета мелкую и среднюю приватизацию и сохранение экономических связей.

Однако Ельцин настаивал на одномоментной либерализации цен и полном прекращении экономических связей с бывшими республиками. «Россия пойдет одна», – заявил он.

Я сказал, что считаю это авантюрой, и что будет колоссальная инфляция со всеми вытекающими последствиями. Он пропустил мимо ушей.

Выбранная тогда Ельциным схема действий привела сначала к 1993 г., потом к войне в Чечне, потом – к выборам 1996 г. и так далее к сегодняшнему дню.

– Можно ли было предвидеть, что с отменой жесткой регламентации возникнет дикий олигархический капитализм в его худших проявлениях, нацеленный не на созидание, а на извлечение прибыли любой ценой? Учитывалось ли отсутствие субъектов, способных проводить в жизнь либеральные идеи?

– Предвидеть развитие ситуации было можно. Но дело не только в отмене жесткой регламентации – ее не существовало уже с 1989 г. Главное было в другом: предпринимались меры такого рода, реформы проводились так, что в результате появлялся именно олигархический капитализм. Худшая

часть советской номенклатуры, «комсомольцы семидесятых», возглавили процесс реформ и стали бешено обогащаться. Таков был принцип этой радикальной группы реформаторов: неважно, откуда у тебя деньги, важно, чтобы они были.

А народ оказался в стороне. Хотя именно он был главным субъектом либеральных идей. Он действительно хотел изменений, причем достаточно быстрых, и действительно был готов смириться с трудностями на какое-то время. Поэтому программа «500 дней» была популярна.

Второй раз мы такое видели в 2004 г. в Киеве. Опять весь народ сразу стал либеральным. И опять его обманули, как и у нас. Изредка в истории такое бывает: например, так иногда народ становится субъектом националистической идеи.

Но вернемся к началу 1990-х. Народ уже действительно находился на грани, был готов к серьезным переменам и готов ради них терпеть невзгоды. Но когда гиперинфляция достигла 2600%, люди перестали что-либо понимать, у них голова пошла кругом от вопросов: «А что же, собственно, делать? Как быть?». Тогда все у Ельцина стали спрашивать: «Борис Николаевич, мы вам разрешили делать всё что угодно, мы вам поверили. Но в результате деньги превратились в пыль, мы обнищали, ничего не понимаем, что происходит?».

Со слов Гайдара, Ельцин отвечал примерно так: «Те, кто недоволен, – противники реформ!». Кончилось все расстрелом Верховного Совета осенью 1993 г. После этого наступила растерянность, а к концу 1990-х – и полное разочарование. После этого уже ничего «либерального» народ не захотел. Справедливо.

– Как Вы оцениваете результаты воплощения в жизнь провозглашенных в программе идей?

– Именно потому, что многие либерально-демократические, рыночные институты и правила существуют только на бумаге, нам многое нужно будет делать заново. Так, если открыть программу «500 дней», то в первых строчках написано: «Провозглашение неприкосновенности частной собственности». Это сверхактуально сегодня. Предлагалось отпустить из тюрьмы всех посаженных за хозяйственные преступления и т. д. И это современно.

В программе прописаны конкретные действия, но есть и ее философия: к свободе и эффективной экономике нужно переходить бережно по отношению к народу и стране. Эта задача жизненно важна и сегодня! Конкретные действия возможны разные, но только если сохраняется эта суть.

Что касается оценок той экономической реформы, которую осуществили, то они разные. Те, кто крупно заработал, оценивают ее положительно, те, кто пострадал, – по-другому. Привластные политики, большинство из которых сколотили свои состояния в те годы, теперь ругают «лихие 90-е». Радикалы-оппозиционеры хотят вернуться, «интеллигенты» говорят, что им было неплохо.

Стараясь быть объективным, сошлюсь на исследование профессионалов из Британских университетов¹. Английские ученые, например, считают, что рост уровня смертности среди трудоспособного населения, в частности в России, напрямую связан с характером проведения реформ. Авторы, опираясь на данные ЮНИСЕФ и ЕБРР, подробно рассматривают, как массовая приватизация с 1989 г. по 2002 г. повлияла на рост смертности среди мужчин трудоспособного возраста (от 15 до 59 лет) в странах, где она проводилась,

Под «массовой приватизацией» авторы понимают такую приватизацию, когда не менее 25% крупных государственных предприятий переводятся в частный сектор в течение двух лет с использованием ваучеров и передачи собственности инсайдерам. Также авторами учитывались такие параметры, как либерализация цен, либерализация торговых отношений, изменение доходов граждан, исходные условия страны и т. д.

Авторы исследования пришли к выводу, что программы проведения массовой приватизации связаны с увеличением в краткосрочном периоде уровня смертности мужчин

¹ *Стаклер Дейвид, Кинг Лоуренс и МакКи Мартин.* Приватизация и уровень смертности. University of Cambridge, Department of Sociology, Faculty of Social and Political Sciences, Cambridge, UK (D Stuckler MPH, L King PhD); and London School of Hygiene and Tropical Medicine, European Centre on Health of Societies in Transition, London, UK (Prof M McKee MD) Correspondence to: David Stuckler, University of Oxford, Department of Sociology. URL: www.thelancet.com Published online January 15, 2009 DOI:10.1016/S0140-6736(09)60005-2

трудоспособного возраста в среднем на 12,8%. Эти цифры подтверждаются данными ЕБРР (7,8%). Фактором, напрямую связанным с уровнем смертности, признана безработица, которая значительно возрастала в период проведения массовой приватизации (56,3%).

Выводы: из-за того, что реформы были проведены именно так, физически умерли миллионы людей. Кстати, отметим, что исследование не затрагивало тему преступности, развернувшейся по ходу и в результате реформ, а только то, что люди потеряли социальную перспективу, а также безработицу, алкоголизм и т. д. Короче, оказались вычеркнуты из жизни.

– Почему даже через 20 лет экономика России не достигла дореформенных показателей, и не сигнал ли это к тому, что пора ли сменить курс?

– Реформы 1990-х заложили фундамент крайне неэффективной экономики. Я считаю, что у нас в России создана система периферийного капитализма. Впервые проблему периферийного капитализма обсуждали в связи с отношениями латиноамериканских стран и США сразу после второй мировой войны. Тогда и возник этот термин. Спор шел о том, смогут ли эти страны развиваться, обслуживая интересы США, или же навсегда останутся придатком американской экономики?

Россия, безусловно, является частью мирового экономического хозяйства, однако выполняет обслуживающую функцию. Она очень далека от стран, образующих стержень мирового хозяйства, то есть, является далекой периферией. В нашей стране не действуют ключевые институты – право, законы, частная собственность, конкуренция, очень низка производительность труда – всё это препятствует приближению периферии к развитым странам. Сырьевой придаток.

Система периферийного капитализма обеспечивает европейский стандарт жизни для 25% населения, а остальные 75% (и дело не только в бедности) не имеют никаких перспектив при нынешних качестве рабочих мест, структуре промышленности и занятости. Сырьевая экономика просто не требует работников высокой квалификации в таких масштабах, которые могла бы предложить Россия как наследница СССР. Сейчас в России, кроме сырьевых отраслей, ничего нет. Хотя

в других сырьевых странах, например в Норвегии, развивается обрабатывающая промышленность.

– В Норвегии переработки не так много, но у них есть и сервисный сектор, и интеграция в судостроение и нефтегазостроение.

– Значит, там все же развивается не только недропользование. Сугубо сырьевые отрасли не требуют квалифицированных кадров в массовых масштабах. Нужно выстраивать какую-то цепочку взаимосвязанных отраслей, более высокие уровни переработки, чтобы были востребованными новые технологии.

– А у нас идея очень простая – взять деньги от экспорта нефти и дать на технологии, которые пока ни к чему не привязаны...

– А потом сказать, что нанотехнологии – это наш автопром... Остроумно!

– Какие решения сейчас надо последовательно проводить в жизнь, а от чего – отказаться?

– Нужна принципиальная смена курса. Необходимы неприкосновенность собственности, ее легитимизация, преодоление недоверия к частной собственности, возникшего в 1990-е годы. И вокруг этого целый ряд важнейших решений – сделать так, чтобы законы были одинаковыми для всех, чтобы реально действовало разделение властей: судебная система, парламент, представляющий интересы не одной группировки, а общества в целом. И, конечно, конкуренция. На этой основе – ограничение коррупции. Всё это, кстати, и есть модернизация.

Модернизация для экономики России – это незыблемость прав собственности и конкуренция. Для российского общества – это единые законы для всех и контроль гражданами власти. Модернизация государства? Это разделение властей. Вот набор главных идей.

А Сколково может быть, может не быть – не в нем дело.

– Созданы ли хотя бы зачатки гражданского общества?

– Безусловно, они есть. Мы все же совсем не тоталитарная страна. Плохо, однако, что гражданские структуры сами в себя не очень верят. В несвободном обществе все искажено,

корпоративная замкнутая власть на все наложила свой отпечаток, идут процессы маргинализации и провинциализации. Даже у многих существующих структур гражданского общества не вполне адекватные отношения с действительностью, реалиями XXI века. Например, часто люди в этих структурах считают себя не просто представителями гражданского общества, а героями некоей умозрительной борьбы с режимом. Надуманный протестный героизм и невероятное самомнение о своей уникальности и гражданской честности приводит к утрате связи с реальностью: «Только мы настоящие граждане, честные люди...».

– Цена реформ: возможны ли масштабные трансформации без столь же огромных жертв со стороны населения?

– Представьте: вам нужно переехать из одной квартиры в другую. Можно выкинуть всю вашу мебель и прочие пожитки из окна. И что вы потом соберете, с тем и переедете. Ну а можно потихоньку переносить нужное. Да, это займет какое-то время. Но это всегда ваш выбор. Нужно не громить все общество, чтобы что-то сделать, а выращивать новое из существующего и вокруг него. Это зависит от политической воли, от того, каков руководитель, как он представляет стратегию, насколько адекватно он понимает, с каким народом имеет дело. Как он собирается провести изменения, как видит свое место. Он «главный социолог» или лидер?

Вот пример. На вопрос: «Зачем опять ввели советский гимн?» – президентский ответ: «А народу нравится». Понятно, что нравится, – он другого не слышал никогда. Так президент страны – это лидер или главный по изучению общественного мнения? Если мы будем идти только по той дороге, которая всем нравится, то куда это может завести? Надо уметь убеждать, вести за собой, брать на себя ответственность, чувствовать историю, будущее... Как и с любым народом, решающее значение имеет лидер. Важно, чтобы это был человек, который ведет страну к определенной общественной исторической цели, а не просто манипулирует общественным сознанием для удержания власти. А сегодня именно ради этого культивируют в обществе все, что есть в народе ниже пояса, создавая из этого целую субкультуру.

Я считаю, что тяжелые жертвы при трансформации, при модернизации совершенно не являются обязательными. Более того, наличие больших жертв – первый признак того, что не все идет как надо. Когда разбили что-то при переезде – еще ничего, но когда всё нажитое выбрасывают в окна вместе с переезжающими – это уже не отдельные неудобства, которые надо перетерпеть, это что-то не так с переездом.

– Как избежать негативных последствий: подготовка, экспертиза и обсуждение решений власти...

– Научное сообщество в России полностью отделено от власти. Совсем. Абсолютно, до презрения. А при растущих ценах на нефть власть вообще мало чем интересуется.

Негативные последствия возникают даже там, где все, казалось бы, неплохо. Например, раньше мы считали рост благосостояния абсолютным благом. Даже критерием успешности экономической политики. Но, на мой взгляд, без изменения общественных отношений, без модернизации рост благосостояния народа сегодня ведет к негативным последствиям, к деградации. Например, статистика показывает: наркотики проникли в такие места, где их раньше не было. Потому что там появились деньги.

Надо менять и отношение к ресурсам: ресурсы – это не то, что в земле, а система отношений вокруг них.

Реформы 1990-х, проведенные радикально-невежественно по принципу «цель оправдывает средства», игнорирующие интересы большинства, какую бы то ни было научную и профессиональную критику, привели к созданию в России системы периферийного капитализма и авторитарно-коррупцированной политической системы.

Возможно, скоро наступит момент, когда придется осуществлять реформы вновь.

Важно учесть уроки...